

Юридическая догматика и догматическое мышление в российской доктрине права

В статье рассматриваются особенности ведущей части современной юриспруденции – юридической догматики, предлагаются определения ее цели, задач и структуры, отмечаются достоинства и недостатки, раскрывается стиль догматического мышления.

Ключевые слова: юриспруденция, юридическая догматика, конструкции, дефиниции, принципы, формально-логический метод, догматический стиль мышления.

Чтобы предметно продемонстрировать стиль мышления, логику и форму исследования в рамках юридической догматики, будет показательным в настоящем изложении следовать некоторым ее правилам, в частности, прежде всего дать дефиницию последней, вычленив ее главные черты и в дальнейшем строго придерживаться их. Определения, как известно, решают задачу образования понятия о предметах, которые входят в объем определяемого термина и указывают на его отличительные признаки. В этом плане юридическая догматика, будучи частью юриспруденции, означает систему средств (дефиниций, конструкций и принципов), а также способов их применения (главным образом, формально логических), позволяющих в целях повышения практической эффективности предельно схематично и непротиворечиво систематизировать нормы действующего позитивного права. Во-первых, догматика направлена на помощь и в меньшей степени на критику законодателя и правоприменителя в их деятельности по созданию и толкованию правовых норм. В таком контексте ее можно считать инструментарием и технологией, более известной под именем «юридическая

техника». Во-вторых, в качестве ученой юриспруденции она выступает научным знанием преимущественно отраслевого характера и содержательно развивается гражданским, уголовным, административным, семейным, трудовым и другими отраслями права. Являясь учением (несмотря на отказ многих авторитетных ученых-юристов придать ей статус науки), догматика аккумулирует информацию о средствах и способах обработки, формулирования и толкования правовых норм, развивает эти средства и способы, а также обучает юристов навыкам профессиональной практической деятельности. Цель юридической догматики в том, чтобы, «изучив позитивное право, так его сконструировать, чтобы оно стало эффективным регулятором общественных отношений», верно отмечает этот момент В.Н. Жуков¹. В целом догматическое учение, нужно полагать, предлагает законодателю и правопользователю системно и непротиворечиво выстроенные конструкции, определения и принципы, а также выверенные правила работы с ними, с тем, чтобы поддерживать прикладную юриспруденцию на должном инструментально-научном и профессиональном уровне.

Здесь важно предварительно выделить ряд ведущих характеристик юридической догматики: она развивается на базе позитивистских установок²; располагает и постоянно наращивает свой категориальный аппарат (к которому, кстати, обращаются не только позитивистские правовые школы, хотя и вкладывают в него несколько иные значения); она формируется как аналитическое обобщение (теоретизация) фактов социальной жизни в их отражении положительным правом; носит аксиоматический характер (действующая норма чаще всего воспринимается как истинная, как догма³). Механизмы реализации догматики можно увидеть во многих решениях Европейского суда по правам человека, Конституционного суда РФ, Пленума и Президиума Верховного Суда РФ и других судов в части, например, выдвижения и аргументации ими той или иной позиции или нахождения ответов для сложных случаев.

Об особенностях юридической догматики, ее структуре, достоинствах и недостатках

Вопрос о юридической догматике как научном дискурсе, профессиональном знании и практической деятельности сегодня приобретает исключительную значимость в силу наметившейся, с одной стороны, некоторой стабилизации правопорядка внутри России, с другой – хаотизации международных отношений. Современная

ситуация заставляет все более интенсивно обращаться к тем регуляторам, которые отличаются высоким уровнем формализации и авторитетности во имя сохранения и поддержания социального единства. Внимательно на всех уровнях власти относятся и к догматике, исторически зарекомендовавшей себя как проверенный и эффективный (по сравнению с иными) инструмент правового регулирования международных и национальных отношений.

К сожалению, отечественная наука явно недостаточно занимается этим направлением ученой юриспруденции, особенно в ракурсе понимания его в качестве одной из правовых парадигм. Основные результаты познания сущности догматики, ее структуры, методологии, стиля мышления и т. п. накоплены, главным образом, юристами досоветского периода (С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Ю.С. Гамбаров, Г.Ф. Шершеневич, С.В. Пахман и др.). Отраслевые юридические науки преимущественно занимаются разработкой своего предметного аппарата, связанного с содержательным приложением норм права к типовым ситуациям, и не включают в него, за редким исключением, осмысление общей догматической методологии. Определенные разработки накоплены юридической техникой, но они преследуют цель совершенствования инструментального потенциала права, а не общетеоретического освоения природы, структуры и действия догмы. Юристы-ученые, работающие вне позитивистских концепций, не признают за догматикой статуса науки в строгом смысле слова, поскольку считают, что она не имеет ничего общего с исследованием закономерностей права, а решаемые ею задачи по сравнению с иными школами правопонимания (социологической, естественно-правовой, исторической, антропологической и др.) обладают невысокой значимостью. В лучшем случае ее относят к описательным наукам низшего уровня или даже относят к отраслям искусства, наподобие медицины, инженерного или военного дела⁴.

Но все-таки, обобщая все, известное нам о юридической догматике с точки зрения общеправового видения проблемы, следует отметить, что она, как представляется, является научным знанием и обладает, в противовес оппонирующим суждениям, статусом научной доктрины, поскольку занимается изучением и концептуализацией своего специфического объекта – догмы права. Догматическая доктрина формирует модели (или логико-теоретические схемы) для создания, адекватного воле законодателя понимания, а равно и практического использования действующего в том или ином государстве положительного права. Как интеллектуальный процесс современная догматика, обобщая и анализируя имеющийся не только

нормативный, но и практический материал, извлекает из них и формулирует абстракции (понятия), фиксирующие закономерности и логику функционирования позитивного права. Догматизация, по словам С.Н. Градириковского, есть «схватывание вечно неугомонного мышления», «выпаривание соборной коммуникации до чистейшего кристалла смысла»⁵, которые ориентированы на познание права «изнутри», на выведение непротиворечивых внутренних связей системно организованных норм и институтов права.

Догматика, действительно, создает правовые догмы, которые являются «общепризнанными в правоведении исходными положениями о позитивном (действующем) праве, его установлении и действии»⁶. Поскольку догма разрабатывается применительно к действующему праву того или иного государства, то отсюда – и различия между известными догматическими доктринами, отсюда – и серьезные сомнения в универсальном характере догмы вообще. Догма, конечно, не является данностью бытия, она конструируется совместными усилиями ученых на основе представлений об образе юридической реальности, понимания должного в общественных отношениях и возможного в поступках людей. Догма – схематичная и стремящаяся к наивысшей степени абстрактности формулировка правил в многообразном поле возможных смыслов, предназначенных для регулирования поведения и отношений правопользователей в данный исторический момент. Это четкий ответ юристов, даваемый «здесь и сейчас» на запросы общества и личности. Именно поэтому догма имеет не столько описывающий фактическую реальность характер, сколько прескриптивную (предписывающую) направленность.

Содержание догмы не может избежать антиномичности, так как исторически оно ограничено и, кроме того, покрывает абстрактной формой максимальное количество типичных, но все-таки различающихся жизненных ситуаций. Догмы не неизменны, но тем не менее в отдельный момент отличаются достаточно высоким уровнем стабильности. Хотя со временем догмы и изживают себя, однако остаются теми лекалами, по которым кроются образцы будущих норм, ведь с изменением вектора развития общества новые догмы по формальным критериям подбираются по аналогии со старыми. На основе догм создаются и поддерживаются различные государственно-правовые и общественные процессы (сделки, обязательства, судопроизводства, доказательства и проч.).

Типичные формы юридической догмы в общем списке их выражения немногочисленны, это: конструкции, определения и принципы, а также связи между ними, способы, средства и прие-

мы трактовки созданных на базе таких конструкций, определений и принципов норм и правил позитивного права. Они составляют центральный категориальный аппарат юриспруденции в целом, задают параметры исследовательских операций, устанавливают алгоритм построения отраслевых наук. Поэтому мыслить юридически – значит мыслить понятиями и категориями, уметь образовывать и преобразовывать их, соотносить друг с другом и т. п.

Правовые конструкции определяются в юридической науке как теоретические схемы (или матрицы), выступающие аналогом правовой реальности⁷, это «смысловая основа юриспруденции, практики нормирования, регуляции и суда»⁸. Они выражены как «типичные образцы для решений практических ситуаций»⁹, как своеобразные «нормативные обобщения с существенными моментами предвидения, прогноза и нацеленности на предельную разумность и окончательность подобного обобщения»¹⁰. Все конструкции, как показывает история, создавались, корректировались и трансформировались по мере развития не только общественных отношений, но и теоретических представлений, освоенных на том или ином этапе сообщества юристов. Весь категориальный аппарат позитивного права, как нетрудно заметить, состоит из конструкций, например: «источники права», «система права», «юридическая обязанность», «правосознание» и т. д.

Дефинициями считаются суждения, придающие четкий и относительно строгий смысл соответствующему языковому обозначению того или иного правового объекта. Они решают задачу образования правового понятия о явлении (процессе), уточнения признаков последнего. Дефиниции играют не последнюю роль в построении доказательств и выдвижении аргументов в пользу той или иной формулировки правовой нормы в процессе создания последней. Они важны для согласования смысловых трактовок используемых терминов. Например, к дефинициям можно отнести такое определение: «Система права – это организованность норм права в рамках институтов, отраслей и других структур права, а также связей между ними».

Принцип в юридической догматике понимается как общая мысль, заложенная в отдельную норму права или в их совокупность. Принцип «улавливается по некоторым частным и косвенным признакам», причем он не выдумывается, а «вскрывается юристами»¹¹. В принципах фиксируется в лаконичной форме (максимах, аксиомах) основная идея предмета, они указывают на идеал, цель и ценности как ориентиры для теоретических и практических выводов в доктрине. Принципами, например, являются утвержде-

ния: «не дважды за одно», «обвиняемый имеет право на молчание», «презумпция невиновности» и др.

Далее важны *догматические методы*, при помощи которых конструкции, определения и принципы используются. Догматика, подвергая анализу и упорядочивая нормы положительного права, строит из них строгое здание зависимостей, для чего прибегает к методам описания, обобщения, выведения определений, а также классификации. Г.Ф. Шершеневич, известный представитель позитивистских воззрений в праве, в свое время отмечал, что систематическое изложение действующих норм достигается посредством достаточно «сложного процесса»: его первой стадией является собрание и описание действующих правовых норм, а последующими – обобщение и выявление смысла норм права и их комментирование. Далее нужны мыслительные акции, осуществляющие переход к созданию принципов, которые, как ведущие идеи, должны лежать в основании содержания и связей правовых норм. В итоге всех этих операций появляется возможность сформулировать определение того понятия, которое заключено в норме, и перечислить его признаки. Высшую ступень в догматическом процессе, как считал Г.Ф. Шершеневич, составляет классификация собранных, истолкованных, обобщенных и выраженных в определениях норм, благодаря которой «обнаруживаются логическая связь и системная организация частей права»¹². Классификация и систематизация правовых норм, безусловно, имеют то значение, что позволяют обнаружить те или иные недостатки положительного права, его противоречия, пробелы, повторения, содержательные и стилистические ошибки и проч. Тем самым создаются условия для последовательных и осмысленных действий по их устранению.

Важной характеристикой юридической догматики является тот факт, что разрабатываемая ею догма зависит не только от положительного права, действующего в той или иной стране, на которое она «работает», но и от типа правопонимания, разделяемого исследователем, т. е. от суждений и представлений той школы права, в рамках которой она изучается и развивается (позитивизма, естественно-правовой, исторической, социологической и др.). Как известно, каждая школа права располагает своей терминологией, при помощи которой выражает («скрывает» под ней) свою догматику. Отсюда появляются и различия между разными догмами права (т. е. содержанием конструкций, определений, принципов), каждая из которых имеет в виду прежде всего трактуемую ею в рамках соответствующей парадигмы свою систему положительного права.

Как известно, доктрина юридического позитивизма внесла наибольший вклад в развитие юридической догматики, в связи с чем последняя всегда была ориентирована на государственную точку зрения, продолжает обслуживать ее она и сегодня. Поэтому чаще всего с официальным регулятором отождествляется догма, соответственно, на нее переносятся все недостатки теории и практики государственного позитивизма. Тем не менее догматическую традицию ошибочно квалифицировать только как позитивистскую, об этом писали еще Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой и другие ученые-юристы на рубеже XIX–XX вв. Они считали, что «положительное (или позитивное) право охватывает не только юридические нормы, официально признанные за таковые государством, но и все вообще нормы позитивного права»¹³. В настоящее время А.М. Михайлов, исследователь континентальной правовой доктрины, справедливо утверждает, что в историческом, философском и ценностно-идейном плане догматическая юриспруденция много шире юридического позитивизма и много раньше его сформировалась¹⁴. Он убедительно доказывает, что вся догматическая традиция в своем самостоятельном и классическом существовании (в отличие от той догматики, которая развивается в рамках юридического позитивизма) включает в себя как элементы позитивистских представлений, так и метафизические идеи из теологического, естественно-правового и исторического направлений философской и юридической мысли. Содержательность подобного рода объясняется, по мнению автора, текстом *Corpus Juris*, который послужил для основателей догматической доктрины не только базой для рациональных манипуляций, но и стал источником мысли о священности римского документа в силу внутренней его истинности, а не потому, что был связан с властными установлениями политического суверена¹⁵.

Главной проблемой догматической юриспруденции является ее претензия, по мнению И.Л. Честнова, «на завершенность, полноту и непротиворечивость, которые коррелируют со статичностью, бес- субъектностью и некритичностью правоведения по отношению к существующим формам права»¹⁶. Поэтому для исправления ситуации он предлагает сделать «прививку» догме права в виде плодотворных идей из других областей научного знания, найти варианты переописания юридической догматики, используя для этого достижения коммуникативной, антропоцентристской и других социологических теорий права¹⁷.

В части возможности подобной трансформации догмы права имеются, однако, серьезные сомнения. Так, например, С.Н. Касаткин обоснованно полагает, что «включение юридической догмы в

указанные дискурсивные системы, по сути, приведет к разрушению, утрате ее специфической логики и языка»¹⁸. Ю.Е. Пермяков убежден в том же, так как считает, что «юрист, не способный к схоластическому мышлению, обречен быть лишь исполнительным делопроизводителем»¹⁹. Поэтому вопрос о способах и средствах «подтягивания» юридической догматики до уровня современных собственно научно-теоретических знаний пока остается открытым.

Тем не менее значение юридической догматики в традиционной ее форме, особенно для отраслевой науки и практики, трудно переоценить. Так, догматика давно является органичным компонентом западной юридической ментальности. Французский компаративист Р. Давид по этому поводу отмечал, что «даже законодатель не может воздействовать на нее, точно так же, как на наш язык или нашу манеру размышлять»²⁰. Она ограничивает, как вполне обоснованно замечает М.Л. Давыдова, пределы свободного усмотрения законодателя, требует от него соблюдения законов правовой логики, заставляет облекать свою мысль в заранее заданные мыслительные структуры²¹. Догма фиксирует устойчивые смыслы права, «транслируется через эпохи, сохраняя свою ценность независимо от философских картин мира, этических императивов и научных парадигм»²². Она нейтральна в ценностном отношении, противостоит любым идеологическим конструктам, способным лишь разрушить стройное здание созданной системы²³. Догма упорядочивает хаотичный эмпирический материал правовой жизни, позволяя построить «элегантную систему правил, соответствующих источникам позитивного права, согласованных между собой и способных дать ответ на любой вопрос»²⁴. Догма, действительно, остается одним из основных способов мышления юристов, она превратилась в интеллектуальную собственность юридического общества, стала корпоративной традицией, лежащей в основании профессиональной юридической культуры²⁵.

Особенности догматического мышления

Таким образом, изложенное выше понимание юридической догмы и догматической доктрины позволяет представить специфику догматического мышления, выделяющуюся своими способами освоения права.

Многое объясняет здесь исторический экскурс. Как известно, возникновение догматического мышления обязано средневековым профессорам-юристам – глоссаторам и постглоссаторам, а позже

и систематикам «гуманистической» школы, «истористам», «пандектистам» и позитивистам²⁶, которые творчески переработали тексты и практику римского права, заложили первоосновы западной юриспруденции и в дальнейшем последовательно развивали догму уже в рамках континентальной системы права. Способ мышления профессоров Средневековья, которые инициировали эту работу, опирались в своих изысканиях на «самозамкнутый понятийный аппарат»²⁷ и для которых абстракции казались более реальными, чем конкретные жизненные факты, а тексты Кодекса Юстиниана оценивались как священные и не подлежащие изменению, отличался схоластическими чертами. Преемственное развитие догматики фактически сохранило многие из схоластических элементов, и сегодня они продолжают свое существование в современном формально-юридическом мышлении.

По поводу особенностей догматического мышления и – шире – юридического мышления известный немецкий правовед Р. Иеринг считал, что юридическое образование и многолетние упражнения формируют у юристов своеобразную способность восприятия текстов: искусность отвлеченного мышления, особое умение обращаться с юридическими понятиями, талант переводить их из области отвлеченного в область конкретного и наоборот, безошибочность юридического диагноза в раскрытии правового понятия в том или ином правовом казусе²⁸. Ф.В. Тарановский указывал на «экзегетические и конструктивные приемы» юридической догматики, которые образуют «собственное профессиональное искусство юристов и составляют отличительный признак того, что можно назвать юридическим мышлением»²⁹. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что нередко самим творцом (законодателем) суть нормы только чувствуется, но ясно не сознается, поэтому задача науки заключается в том, чтобы обнаружить эту мысль и облечь ее в образ нормы, «превратить в норму несформулированную мысль законодателя», потому что «наука не творит содержание веления, а извлекает его из материала положительного права, и ... придает ему осязательную форму»³⁰.

Таким образом, именно догма остается одним из основных способов представления права юристами, благодаря ей мышление юристов отличается качествами «догматичности». Но отнюдь не «догматизма», о котором иной раз пишут в литературе³¹. Догматизм в рассуждениях отдельных авторов-юристов, действительно, может иметь место, как, впрочем, он может встречаться и у исследователей других областей знания. «Догматизм» и «догматичность» – разные характеристики мышления, а равно их отражения

в текстах. Догматизм, безусловно, методологически неприемлем, догматичность же – свидетельство приобщенности специалиста к профессиональному сообществу юристов. Хотя догматизм и догматичность мышления возникали на общей основе – догме (догмате), однако далее своей общей основы они расходятся в смыслах и значениях.

Догматизм как окостеневшее мышление основано на слепой вере в авторитеты, убежденности в непогрешимости некоторых взглядов, суждений, выводов, защищает устаревшие положения, исключает всякую критику и сомнения. Гносеологически догматизм однозначно относится к истине, признает в ней лишь абсолютный момент, игнорирует относительность. Догматизированное мышление всегда придерживается односторонней дедукции. Его непременным признаком является «закрытость», отрыв теории от сложной, многообразной и динамично изменяющейся практики, что предопределяет и его отказ от признания изменений³².

Основой же догматичности юридического мышления выступает формально-юридический метод, обращение к которому предопределено самой природой права. Ведь формальная сторона в праве выражена много сильнее, чем в любой иной мысли о социальности, поэтому здесь требуется исключительная точность и недвусмысленность исходных положений, производство рассуждений и выводов в строгой последовательности и т. п. Мыслить в каркасе догматического языка – значит следовать определенным принципам, ценностям и правилам³³, к наиболее значимым из них можно отнести:

схематизм, который означает сворачивание полученного знания в упрощенное описание, исключающее все личностное, субъективное, особенное. Отсюда – и анонимность догматических предписаний, отсюда – и претензии к нечувствительности догмы к полутонам общественных отношений;

аксиоматичность, которая принимается в качестве априорного и условного соглашения об истинности норм и соответствующих высказываний, но не в силу того, что сформулированные таким путем нормы не требуют доказательств, а потому что в силу избираемых юридическим сообществом предпочтений они фактически не могут быть доказаны;

системность мышления, которая указывает, что смысл юридических норм и понятий, как правило, проявляется благодаря повышенной связанности каждой нормы и понятия с множеством себе подобных, поэтому создаваемая из них смысловая сетка создает образ права целиком, в его завершенности, непротиворечивости и согласованности;

простота догматических форм означает «экономия» мышления, упрощение текста без утраты его информационности;

точность конструкций, принципов и определений догмы считается таковой в силу однозначности применяемых оценок и предполагаемой адекватности их отражаемой реальности;

абстрактность понятий и категорий догмы связана с отвлечением в реальных отношениях от некоторых несущественных их свойств, чтобы ограничить правовое разнообразие и с большей легкостью познать сложные социально-правовые явления или процессы;

схоластицизм догматического мышления указывает, что решение всех возможных проблем уже потенциально содержится в действующем положительном праве – «священных» текстах юристов, которые посредством экспликации, дистинкции и дефиниции нужно лишь оттуда вычитать;

символизм догмы создает приоритет формального над предметным, поддерживает определенный идейный настрой правовой системы, служит замещению действительных общественных явлений или процессов некоторыми отвлечениями, что делается для того, чтобы не заниматься доказательством догматов и упрочить ценностную источниковую базу права;

идеализация догмы указывает на ее образцовый и совершенный характер, как на некоторую идею должного;

догма «выдуманна» и рассудочна, в ней нет ничего лишнего, поэтому она *эстетична*;

ценность догмы утверждается в качестве главной истины, которая не есть научное знание, выведенное по законам рациональности, а является системой предпочтений, приписываемых правопорядку;

оценочный характер догматического мышления кроется в принципиальной отстраненности ее от всяких иных аксиологических идей (моральных, духовных, эстетических, этикетных и др.) и опирается исключительным образом на требования разрешения или запрещения («можно», «нельзя», «обязан»), следующих из самого содержания правовой нормы;

аналитичность догматики заключена в тезисе о том, что нормы как бы «прикладываются» к действительности, а сама действительность как бы «узнается» через нормы³⁴;

дедуктивность мышления юристов базируется на некоторых утверждениях общего порядка, позволяющих квалифицировать частные случаи;

авторитаризм составляет «политическое ядро» догматики, ориентированное на авторитет государства как легального и леги-

тимного управляющего, незыблемость понимаемых им образцов поведения для правопорядка;

догматическое мышление в целом *консервативно*, поскольку обсуждение проблем в его рамках обретает чаще всего характер цитирования норм права или высказываний авторитетных ученых;

традиционность юридической догматики выражается в сохранении и трансляции тех знаний, что основаны на историческом прототипе, вере в истинность догматичной картины мира и чаще всего сопровождается игнорированием критики;

конвенциональность указывает на момент относительно единого мнения сообщества юристов догматической направленности в части понимания тех или иных положений, высказываний, понятий;

терминологичность выделяет догматический язык в системе исследовательских языков, но при этом он фактически маркирует стиль мышления юристов в целом как особой профессиональной группы специалистов.

Перечисленные и многие другие характеристики догматического мышления служат основанием как негативных, так и эпитетов, которыми награждают его в юридической литературе³⁵. Так, его упрекают в схоластичности, при которой абстракции кажутся более реальными, чем конкретно-эмпирические явления, обвиняют в крайнем формализме, неоправданной усложненности правовых схем и построений, в спекулятивных и умозрительных рассуждениях, играх в понятия. Утверждается, что размещение правовой догмы в рамках юридического позитивизма ограничивает мыслительный кругозор юриста, делает его неспособным к критическому мышлению, закабальет профессиональное сознание понятийной сеткой, отнюдь не способствующей развитию права. Свою лепту в нелестные оценки догмы вносит и включение ее в инструментальные средства юридической техники, последовательно уводящей мысль от гуманитарной сущности права в целом. Поэтому закрепилось мнение, что догматика стопорит развитие исследовательской мысли, «иссушает» юридическую речь, превращает юристов в формалистов.

Надо отдать должное и тому, что не забываются и положительные качества догматики. Например, подчеркивают «логическую завершенность», «особую строгость», «четкость», «определенность», «доходчивость», «стройность» понятийной системы догматики. Ее отличают, по мнению ряда специалистов, суждения емкие, предельно сжатые и пытающиеся не допустить нескольких толкований. С.С. Алексеев акцентирует «отшлифованные формулировки» конструкций догмы, добавляющие «твердость и непрекаемость»

самой правовой основе и придающие ей «определенность, устойчивость, постоянство (вечность)»³⁶. Язык правовой догмы, действительно, в большинстве случаев демонстрирует ее филигранную тонкость в отражении юридического мира, порождает ощущение изящности, стремления к совершенству. Не надо забывать и того факта, что благодаря догме были найдены и юридические технологии проведения в жизнь фундаментальных принципов человеческого общежития – свободы, равноправия, справедливости. Таким образом, думается, что пока не пришло время отказать догматике в применении ее средств для решения многочисленных проблем теоретической и практической юриспруденции, юридическая догматика продолжает оставаться важнейшим, в определенном смысле – центральным звеном общей теории права.

Примечания

- ¹ *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 12.
- ² Хотя имеется и другая точка зрения. См., например: *Жуков В.Н.* Указ. соч. С. 15–16.
- ³ См.: *Мальцев Г.В.* Понимание права: Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. С. 148–149.
- ⁴ См., например: *Мирумцев С.А.* Что такое догма права? // Юриспруденция в поисках идентичности: Сб. статей, переводов, рефератов / Под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара: Самар. гуманит. акад., 2010. С. 163–165; *Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права. 3-е изд. СПб.: Лань, 2001. С. 338–342.
- ⁵ *Градировский С.Н.* Восстановление оснований догматического мышления как условие формирования мышления. [Электронный ресурс] URL: http://www.archipelag.ru/agenda/gospel_povestka/konferens_r_vs_r_2012/text12/ (дата обращения: 16.05.2017).
- ⁶ *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма-Инфра-М, 1999. С. 382.
- ⁷ *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 100.
- ⁸ *Малахов В.П.* Право в контексте форм общественного сознания: Принцип правопонимания. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. С. 16.
- ⁹ *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. С. 250.
- ¹⁰ *Алексеев С.С.* Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд. М.: Норма, 2002. С. 227.
- ¹¹ *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 4. М.: Изд-во «Изд. Бр. Башмаковых», 1912. С. 271.

- ¹² Там же. С. 768–778.
- ¹³ *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. С. 27; см. также: *Петражицкий Л.И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 410–507.
- ¹⁴ *Михайлов А.М.* Генезис континентальной юридической догматики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 34–35.
- ¹⁵ Там же. С. 35.
- ¹⁶ *Честнов И.Л.* Практическая, человекоцентристская юриспруденция – выход из тупика догматизации права // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. М.: Норма, 2013. С. 50.
- ¹⁷ Там же. С. 50–54.
- ¹⁸ *Касаткин С.Н.* Значимость правовой теории: Интегативность, догматика, вызовы контекста // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? С. 107.
- ¹⁹ *Пермяков Ю.Е.* Классическая литература как союзник права // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? С. 121.
- ²⁰ *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности: Пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 1996. С. 19–20.
- ²¹ *Давыдова М.Л.* Указ. соч. С. 155.
- ²² *Тарасов Н.Н.* Указ. соч. С. 257.
- ²³ *Михайлов А.М.* Указ. соч. С. 64.
- ²⁴ *Карапетов А.Г.* Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник Высшего арбитражного суда. 2010. № 5. С. 10.
- ²⁵ *Михайлов А.М.* Указ. соч. С. 81.
- ²⁶ Там же. С. 72, 91, 102.
- ²⁷ *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 131–132.
- ²⁸ *Иеринг Р., фон.* Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. М., 2008. С. 20.
- ²⁹ *Тарановский Ф.В.* Указ. соч. С. 339.
- ³⁰ *Шершеневич Г.Ф.* Гражданское право. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1898. [Электронный ресурс] URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc99p0/instrum1916/item1920.html> (дата обращения: 28.07.2017).
- ³¹ См., например: *Аверин М.Б., Никитин П.В., Федорченко А.А.* Догматический метод научного познания в юриспруденции // История и методология юридической науки: Курс лекций: 2009–2017 / Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://distance.gpa-mu.ru/files/mg/imun/pr.html> (дата обращения: 03.03.2017).
- ³² См.: *Философский энциклопедический словарь* / Ред. колл.: С.С. Аверинцев и др. М., 1989. С. 179; Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»,

- РООИ «Реабилитация», 2009. С. 208–209; *Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академ. проспект, 2008. С. 609–610; Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. М.: Полит. лит-ра, 1975. С. 74.
- ³³ Подробнее о некоторых из них см.: *Малахов В.П.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 15–20; *Егоров С.Н.* Аксиоматические основы теории права. СПб.: Лексикон, 2001. С. 16–26; *Розин В.М.* Юридическое мышление. Алматы, 2000; Энциклопедия эпистемологии и философии науки. С. 437, 455, 1092.
- ³⁴ *Розин В.М.* Указ. соч. С. 58.
- ³⁵ См.: *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. 1. Основы: Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 38–39; *Васильев А.М.* Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит-ра, 1976. С. 54.
- ³⁶ *Алексеев С.С.* Указ. соч. С. 96, 241.